

СТРАНИЦА ИСТОРИИ

Роман
ИЛЬЯСОВ

Я хотел бы познакомить читателей с одним из самых ярких членов нашего рода Бассали – моим дядей. Мой дядя Лев Ильич Бассали-Ильясов родился в 1912 году в городе Кирки. Он был старше моего отца всего лишь на 1 год, и поэтому у них было очень много схожего не только в поведении и характере, но также и в мыслях, потребностях, интересах. Все дети моего деда безумно любили заниматься животноводством и сельским хозяйством и имели огромные размеры свое подсобное хозяйство, оставшееся в наследство от отца, – оно и помогло им выжить в трудное время безотцовщины. Однако, несмотря на то, что мой дядя и отец трепали на своем подсобном хозяйстве огромное количество времени, они находили время и для многих других увлекающих их занятий.

А одним из увлекательнейших занятий для них была техника. И поэтому, достигнув 17 – 18 лет, они оба становятся первыми трактористами "на селе". Сейчас, конечно, современникам трудно представить, какие чувства могли тогда испытывать молодые люди, сев за руль трактора. За руль техники, которую никто из жителей Кирки никогда ранее не видел и о которой только ходили слухи, что она способна перепахать столько земли за день, сколько не в состоянии перепахать даже и тысяча человек.

Кстати, в эти слухи никто не верил и называли их сказками или болтовней. И вот мой дядя и отец, у которых, как говорится, на губах еще не успело обсохнуть молоко, доказали всем, что это – не сказка. Профессия тракториста была самой почетной в те времена во всех деревнях и селениях, где животноводство и сельское хозяйство было главным источником существования.

Итак, освоив престижную профессию, молодые люди не могли представить, как долго профессия тракториста будет оставаться престижной и сможет ли она вообще прокормить их будущие семьи. Плохо это или хорошо (скорее и то, и другое), но произошло следующее. Дядя Лева совершил дорожно-транспортное происшествие – и у него изъяли права на вождение.

Едва избежав юридического наказания, он вынужден был оставить эту профессию и

посвятить себя другой – ставшей любимой и очень доходной – профессии, став заготовителем пушныны, мехов и шерсти. Он работал заготовителем в Кирки вплоть до 1938 года. В 1937 году по приказу правительства всех "некоренных жителей", а также семьи бывших кулаков, помещиков и прочих "социально опасных людей" стали выселять из приграничных районов страны.

С бесчисленным множеством невинных людей горда Кирки пострадали также все евреи, проживающие в городе. Основаниями этих репрессий явились приказы НКВД от 1937 года под номерами 00485, 00447, 00439, 00593, 00486 и другие.

Согласно этим приказам НКВД огромная семья моего деда подпала сразу под несколько пунктов, являющихся основанием для их выселения из Кирки.

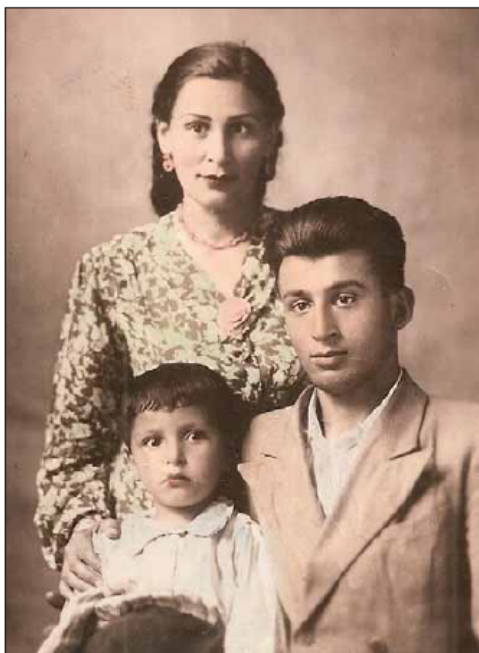
Во-первых, мой покойный дед, имевший огромное поместье и будучи когда-то, а именно до ограбления, очень богатым, считался помещиком; во-вторых, его жена и семеро его детей из девяти, родившихся до революции, включая моего отца и дядю Лева, являлись афранскими подданными, а в-третьих, национальная принадлежность каждого члена семьи не считалась коренной.

Благодаря жене брата моего отца Есефа-Торчи – Бахмал, родом из Самарканда и содействию ее самаркандских родственников вся большая мишпах Бассали поселилась в конце декабря 1937 года в Самарканде. Подвергнув себя смертельному риску, мой отец остался в Кирки, чтобы продать дом своих родителей, животных и другое добро. Реализовав втридеша мизерную часть имения и прочего, он приехал с деньгами в Самарканд только в конце января 1938 года.

А дядя Лева к тому времени успел показать себя непревзойденным заготовителем на Самаркандском кожзаводе и за считанные недели достиг там такой славы, что в тот же месяц был назначен на более престижное и доходное место – заместителем начальника заготовительной базы города Ленинабада, переименованного позже в Душанбе.

Он со своей семьей, тремя детьми и женой, которая, надо отметить, к тому же являлась ему и родной племянницей, переселяется в Таджикистан. В Ленинабаде, не имея никаких дипломов о среднем или высшем образовании, дядя Лева благодаря своим знаниям, на-

ИСТОРИЯ БАССАЛИ

копленному жизненному опыту, а также природным данным (деловитости, смекалке, трудолюбию, а главное, доброму отношению к окружающим его работникам) быстро поднимается по служебной лестнице.

Скоро он становится заместителем начальника республиканской базы по заготовке пушныны и кожевенного сырья. Еще раз хочу напомнить, что дядя Лева приобрел свои знания именно в нашем семейном поместье, с малых лет занимаясь на подсобных участках животноводческим хозяйством.

Поместье нашего деда было настолько огромным, что после изгнания нашей семьи часть его была присоединена государством и полностью переоборудована и пересоружена. В одной части бывшего поместья были сооружены парковые зоны для отдыха и развлечений. Часть дома переоборудовали под военные казармы, а на прилегающих землях были воздвигнуты высокие кирпичные ограждения военной части. На третьей, наименьшей части земли, построили городскую баню.

Мой покойным двоюродным братьям, внукам моего деда, – Мише Ильясову, сыну дяди Исахара, и Борису Ильясову, сыну дяди Левы – в 90-х годах посчастливилось увидеть все эти сооружения на той земле, где они провели свое незабываемое, счастливое детство. Незадолго до иммиграции в Америку им удалось в по-

следний раз полюбоваться местами, истинными хозяевами которых они должны были стать, если бы Туркмени не превратилась в советское государство.

Как я уже упоминал выше, у дяди Левы было много положительных качеств, которые нравились всему окружению работников базы. Он был щедрым, честным, вежливым, дружелюбным, обладал чувством юмора и всегда старался от чистого сердца помочь любому в нужде или беде. Понятно, что все эти бесценные качества помогали ему не только продвигаться по служебной лестнице, но и обзавестись огромным количеством верных друзей и знакомых, готовых в любую минуту отплатить ему добром.

И это отношение к нему друзей и знакомых не только помогало ему сохранить свой пост от зарившихся на его место национальных кадров или от ярких антисемитов, но однажды спасло ему жизнь – и даже жизнь его четвертым братьям, о чем и пойдет мой рассказ далее.

По приезде в Самарканд вся мишпах Бассали поселилась в еврейском квартале. Любый местный еврей запросто мог отличить их от бухарских евреев. Все они разговаривали на том персидском наречии, которое вроде бы понятно местным евреям, однако в предложениях встречается немало незнакомых слов, а к тому же, речь звучит с

непривычными перепиачными диапазонами.

В то время в среду бухарских евреев НКВДшниками были насаждены агенты, в протестонароде называемые доносчиками. Один из таких агентов по прозвищу "Доносчи" (настоящие имя и фамилию не будем называть, дабы не опозорить его невинных потомков) непонятно по каким причинам, скорее всего для того, чтобы отличиться своей преданностью перед партией и НКВД, написал донос на семью Бассали.

В доносе он изложил свое подозрение, что четыре брата, Исахар, Есеф, Моше и Яков Бассали, выдают себя за туркменских евреев, но очень напоминая афганских шпионов. В те времена даже донос с подозрениями или без подписи считался огромным подарком для НКВД и никогда не оставался без внимания. Ведь всех республиканских работников НКВД охватывал страх быть физически уничтоженными "московскими хозяевами", от которых поступали бесконечные приказы НКВД и установки с лимитами на расстрелы и ссылки в трудовые лагеря врагов народа.

Работники республиканских НКВД понимали, что за невыполнение таких планов с лимитами, взятыми "с потолка", им придется самим поплатиться жизнью, и старались отличиться – чаще всего перевыполнив план. И такая практика велась не только в Узбекистане, но во всех союзных республиках.

Для наглядности ниже я прилагаю выписки из документов 1937 года, а также выписки из приказа НКВД под № 00447 о мерах наказания репрессируемым и количестве подлежащих репрессии, хранившиеся в советских архивах.

Все репрессируемые кулаки, уголовники и др. анти-советские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементы. Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках — РАССТРЕЛУ.

б) во второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагерь на срок 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них - заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

- Семьи лиц, репрессируемых по первой категории, проживающие в пограничной полосе, подлежат переселению за пре-

дели пограничной полосы внутри республик, краев и областей.

- Все семь лиц, репрессированных по первой и второй категориям, взяты на учет и установлены за ними систематическое наблюдение.

- На каждого арестованного или группу арестованных заводится следственное дело. Следствие проводится ускоренно и в упрощенном порядке.

- Утверждаю следующий персональный состав республиканских, краевых и областных проку:

Туркменская ССР: председатель — Нодев, члены Анна Мухамедов, Таши Анна Мурадов

Узбекская ССР: председатель — Загвоздин, члены Икрамов, Балтабаев

Тройки в зависимости от характера материалов и степени социальной опасности арестованного могут относить лиц, назначенных к репрессированию по второй категории — к первой категории и лиц, на-

улице Карла Маркса, в трёхстах метрах от улицы Некрасова (позже на этом месте была построена областная больница).

Всех их поместили в разные камеры, так как по правилам тюрьмы нельзя было родственникам или арестованным, проходящим по одному делу, сажать в одну камеру и даже вместе выводить на прогулку. Хотя в цепях раследования делались исключения.

Итак, дядя Лева, к счастью проживающий в другой республике, не был арестован. Не желая его огорчать, родственники сообщили об аресте его братьев не сразу, через несколько месяцев. Зная его неспокойный характер, близкие опасались, что в гневе он может «наломать дров». И они как будто в воду пятадели. Узнав об этом несчастье от сторонних людей, он тут же взял отпуск и приехал в Самарканд.

Его негодованием не было предела. Ещё не зажили раны его и всей семьи Бассали от удара, совершенного правительством в декабре 1937 года,

начальником НКВД. «Начальнику не до тебя - ответил грубо охранник. - Если хочешь, запишись на прием к дежурному офицеру». «Нет, - возразил Лев. - Мое дело очень важное, и я не доверюсь говорить о нем с дежурными».

Жди тогда здесь, - с ненавистью ответил охранник. - Если начальник освободится, то, может быть, он тебя и примет».

Прошло несколько часов, но его так и не вызвали. Тогда Лев решил прибегнуть к хитрости. Он снова подошел к охраннику и сказал: «Сообщил начальнику, что я - афганский шпион и пришел, чтобы сдать его». Глаза охранника стали крупными. «Так бы сразу и сказал», - испуганно ответил он.

Позвонил с проходной - и через несколько секунд прибежали дежурный офицер с охраной, скрутили Льву руки и завели его во двор. «Сохраняйте его здесь пока», - отдал приказ дежурной охране, а сам пошел докладывать о случившемся начальнику НКВД.

Спустя 10 минут дежурный офицер, уже с улыбкой на лице, снова вышел из здания, приказав охране отпустить Льва и сказал: «Ну, говори, какой шпион». - «Я буду говорить только с начальником НКВД наедине».

Дежурный сделал знак охране удалиться и ответил: «Ну, я начальник НКВД, говори». «Здесь, во дворе?» - удивился Лев. «Да, - последовал ответ. - У меня времени нет, надо ехать в одно место. Говори быстрее, в чем дело».

Лев представился, и начал объяснять причину своего прихода, закончив объяснение словами: «Мои братья ни в чем не виновны, и я требую выпустить их, а если вы считаете их врагами народа и афганскими шпионами, то тогда я тоже - афганский шпион и враг народа и прошу посадить меня вместе с ними».

Он показал на узлы с едой и пропоял: «Вот смотрите, я уже готов». «Хорошо, когда нужно будет, пошлем за тобой и арестую тебя, а сейчас иди домой», - ответил дежурный. «Нет, я нигде не уйду отсюда, - настойчиво и громко заявил Лев. - Или арестовывайте меня сейчас же, или сейчас же дайте приказ выпустить моих братьев».

Дежурный позвал охрану и дал команду вытолкать Льва за ворота, что охрана и сделала. Опешивший и взбурдаженный, стоя за железными решетчатыми воротами, он стал кричать вдогонку удаляющемуся офицеру, требуя, чтобы его арестовали или выпустили его братьев. И продолжал настойчиво делать это до тех пор, пока его не прогнали дубинками.

Разочарованный, он шёл назад. Размышляя и не мог понять, почему его не арестовали. Он был больше чем уверен, что

его арестуют, потому что прекрасно знал, что такое НКВД. А сейчас он ничего не понимал. «Это просто безрасудство какое-то», - остановившись посреди улицы, громко произнес он.

Это было совсем не похоже на НКВД. Однако начальник заявил, что они сами его арестуют, вспомнил он с радостью. Вот она, загадка!!! Они просто не хотели брать добровольно сдавшегося шпиона! Они должны отчитаться перед Москвой, показав свою работу с обратной стороны монеты.

Успокоившись, он пришел домой и стал ждать. Кончился отпуск. Но за ним так и не приходили. С работы беспрепятственно звонили начальник и друзья и умоляли его поскорее вернуться, так как без него мог провалиться план по сдаче сырья. Наконец он решил, что НКВД его арестует и в Лениннабаде, а друзей по работе надо срочно выручать. И уехал.

Через несколько месяцев ему сообщили, что всех его братьев выпустили. Он снова берет отпуск и возвращается в Самарканд отпраздновать это событие. Причину освобождения братьев и то, что его самого не арестовали, так никто и не смог понять в течение десятилетий. И только спустя несколько десятилетий, за год или два до своей смерти, он встретил одного человека - сторожа НКВД, который поведал ему эту тайну.

Начальником НКВД оказался не тот самозванец, который одурачил Льва, а бывший знакомый Льва, встретившийся с ним на одной из свадебных туев в Лениннабаде. «В тот вечер, - вспоминал Лев, рассказывая моему отцу Якову эту историю, - на свадьбе мы случайно оказались рядом за одним столом. Выпили уйму спиртного. К концу вечера он обнимал меня и говорил, что таких приятных людей, как я, он никогда не встречал и хотел бы дружить со мной».

Узнав, что он - работник НКВД, я пошутил: «Ты, друг, пока пьян, а попадись я в руки НКВД, то ты бы первым меня расстрелял собственной рукой».

На что тот ответил: «Я друзей никогда не предаю. Скорее я позволю расстрелять самого себя, чем предаю хорошего человека и такого друга, как ты». И он сдержал свое обещание.

По-видимому, это был огромный риск для него, и поэтому он сам никогда и не заикнулся мне об этом. Да и я после того вечера на твоего никогда и не встречал. Но зато он мог меня видеть через окно своего кабинета, когда я стоял во дворе НКВД. Вот он втайне от меня и сдержал свое слово, иначе бы ни тебя, Яков, ни наших братьев Исахара, Мусы и Есёфа, да и меня самого давно бы в живых не было.

Жаль, Яков, что я так никогда и не увидел этого человека и не смог поблагодарить его за то, что мы остались живы - не умерли. Сторож сказал, что его расстреляли сразу после падения Ежова - при Берии. Жаль его...»

«Эх, Лева, Лева, - чуть помолчав, охвот зуби процедил мой отец со вспышкой гнева во взгляде, - если посидел бы ты с нами там хотя бы день, то воспринимал бы все по-другому и не стал бы жалеть его. Не умерли - говоришь? Из четырёхсот проведённых там дней мы умирали каждый день - каждое утро - 400 раз».

Каждое утро из камер забирали по несколько абсолютно ни в чем не повинных людей - на расстрел. Каждое утро мы слышали в коридорах их вопли. Их вели как скотину на бойню. И их отчаянный нечеловеческий раздражающий душу вопль наполнял волю недорезанной скотины на этой бойне.

Побывал бы ты хоть на одном допросе, где тебя избивают до полусмерти, чтобы ты подписал свой смертный приговор! А в лучшем случае, если не бьют, то ставят по стойке смирно и заставляют стоять несколько суток. Побывал бы в карцерах хотя бы сутки!.. Если бы ты вынес всё это, то не жалел бы его».

Да, он спас несколько человек, но погубил тысячи. Встретил бы я твоего приятеля после тюрьмы - я бы за вас, что он натворил, вот этими своими голубыми глазами там зубами горло бы ему перегрыз».

Пожалеть его было бы можно, оставь он свою работу сам. Но он работал на эту чудовищную систему, уничтожившую миллионы невинных людей, и в конце концов это чудовище само его уничтожило, чтобы пустить пыль в глаза народу. Так что, Лева, нигде не жалей этого человека и не вспоминай, не терби эти воспоминаниями душу ни себе, ни братьям - никому».

Мой отец рассказал мне эту историю и многие другие истории о своей юности за несколько месяцев до своей смерти. В его памяти сохранилось так много драматических событий, что если написать о них книгу, то получится бы, наверно, трёхтомник.

Как я узнал позднее, мой дядя действительно послушался моего отца и больше никогда не упоминал об этой истории. От его детей Бенсиона, Сипоры и Абрама я узнал только ту небольшую ее часть, которую они слышали ещё в детстве.

Весь наш род Бассали благодарен нашим предкам, а особенно нашей мудрой бабушке Хане и благородному деду Эпиху, выросшим своих детей такими, что всеми ими можно безмерно гордиться и нам, и нашим потомкам.

меченных к репрессированию по первой категории — ко второй.

Протокол заседания тройки направляется начальнику оперативной группы для приведения приговоров в исполнение.

- В УЗБЕКСКОЙ, ТУРКМЕНСКОЙ, ТАДЖИКСКОЙ и КИРГИЗСКОЙ ССР ОПЕРАЦИЮ НАЧАТЬ С 10 АВГУСТА с. г. и закончить в четырехмесячный срок

Согласно представленным учетным данным наркоматами республиканских НКВД и начальниками краевых и областных управлений НКВД утверждается следующее количество подлежащих репрессии:

Первая категория	Вторая категория	ВСЕГО
Туркменская ССР		
500	1500	2000
Узбекская ССР		
750	4000	4750

В ту же ночь, после получения доноса, все четверо братьев оказались за решеткой. Тюрьма находилась в центре города Самарканда, на

догого человека, похожего в своем бушлате на зека, остановил его у ворот и грубо спросил, куда он направляется.

«Мне нужно переговорить с